

Ю. И. БОРОДИН

В ВЕРХОВНОМ СОВЕТЕ СССР

1988 год был последним годом моей работы в качестве председателя Президиума Сибирского отделения АМН СССР. В общественной жизни постепенно все большие обороты набирали перестройка и гласность, будоражившие умы, вселившие в людей надежды на позитивные перемены.

К концу 1988 года в Советском Союзе произошли кардинальные перемены. В декабре внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла два закона: «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР» и «Закон о выборах народных депутатов СССР». Принятые документы коренным образом меняли избирательную систему Советского Союза, принципы выборности народных депутатов и основы функционирования государственных органов власти.

На основании нового закона весной 1989 года состоялись выборы народных депутатов СССР, а весной 1990 года – народных депутатов союзных республик и местных советов. Срок их полномочий составлял пять лет. Значительным изменениям подверглась сама структура выборов: они становились альтернативными

и состязательными. На каждое депутатское место претендовало по несколько человек.

Многим еще, наверное, памятна бурная общественная атмосфера предвыборной кампании 1989 года. Депутаты представляли на обсуждение общественности свои программы, объясняли и отстаивали свои позиции на встречах с избирателями, в дискуссиях с оппонентами. По вечерам граждане страны спешили к телевизорам к началу жарких предвыборных дебатов.

Помимо выдвижения кандидатов по избирательным округам, закон предоставлял возможность избирать их от крупных общественных организаций, таких как КПСС, ВЛКСМ, АН СССР, АМН СССР и т. д. В каждой из них определялось количество кандидатских мест и проводились выборы. Я шел на выборы в Верховный Совет СССР не по территориальному округу, а по профессиональному принципу – меня выбирали члены Академии медицинских наук.

Важным событием в жизни Академии медицинских наук СССР стало избрание в Верховный Совет СССР президента АМН

Видный сибирский ученый, академик РАН, почетный житель Новосибирска Юрий Иванович Борodin написал книгу воспоминаний, вышедшую в 2014 году в издательстве «Новосибирский писатель». В работе над мемуарами ему помогли члены Союза писателей России Галина и Олег Чарушниковы.

Предлагаем вниманию читателей главу из книги, рассказывающую о работе Ю. И. Бородина в Верховном Совете СССР.

академика В. И. Покровского. Не без удовольствия вспоминаю, что нас с В. И. Покровским избрали практически единогласно.

Можно спросить: зачем мне понадобилось идти на выборы? Я был вполне удовлетворен своим статусом, служебным и общественным положением. Все мои мысли и побуждения вращались вокруг Сибирского отделения. Я долго размышлял, стоит ли мне выдвигать свою кандидатуру в народные депутаты. Особенного желания менять налаженный образ и ритм жизни не было. К 1987–1988 годам СО АМН встало на ноги. Мы смогли установить хорошие контакты с властными структурами на местах, учеными, организаторами здравоохранения в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Активно воплощалась в жизнь программа «Сибирь» и ее подпрограмма «Здоровье человека в Сибири». Если поначалу, когда Сибирское отделение еще организовывалось, у нас имелись одни только проекты и пожелания, то к концу восьмидесятых годов обстановка была совсем иной. Нам удалось создать сеть научных учреждений, работавших по всей территории Западной и Восточной Сибири, в Якутии, на Дальнем Востоке.

Я бы сказал, работать в то время было радостно. Известный турецкий поэт Назым Хикмет, размышляя о счастье, дал такое определение: «Счастье – это когда утром с радостью идешь на работу, а вечером с радостью возвращаешься домой». У меня все это было. К тому же, прежде чем достичь такого душевного состояния, мне пришлось пройти через полосу серьезных трудностей. Поэтому я ценил начинавшую налаживаться жизнь, тот высокий уровень развития, которого добилось Сибирское отделение АМН к концу восьмидесятых годов.

Самое главное, к этому времени выросли научные кадры. Такого количества ученых, которые стали членами АМН в восьмидесятые годы, не было ни до ни после. Десятки сибирских ученых получили звания действительных членов, членов-корреспондентов, а следовательно, повысили свой статус, получили больше возможностей для научных исследований.

В Омске трудились известный педиатр академик В. П. Бисярина, основоположник хирургической школы, ректор медицинского института академик Л. В. Полуэктов. Радовал своими достижениями Томский научный центр. Ростислав Сергеевич Карпов, руководитель Томского филиала СО АМН, оказался блестящим организатором медицинской науки. Под его руководством выросла плеяда молодых ученых,

ставших членами-корреспондентами и академиками. Томская научная школа за эти годы существенно укрепилась.

Возникли академические научные центры на Дальнем Востоке. В этом регионе важную роль стал играть Институт физиологии и патологии органов дыхания. Это объясняется тем, что подобные заболевания являются одной из основных патологий у населения Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Во главе НИИ встал академик М. Т. Луценко. Инициатор создания и организатор института, возглавлявший его на протяжении двух с половиной десятилетий, Михаил Тимофеевич прошел здесь все фазы научного роста – от доцента до академика.

Во Владивостоке по масштабу научных исследований и в кадровом отношении значительно укрепился Институт эпидемиологии и микробиологии под руководством академика Г. П. Сомова, величины мирового класса. В результате многолетних экспедиционных исследований, которые возглавлял академик Г. П. Сомов, были раскрыты основные механизмы циркуляции возбудителей ряда инфекционных заболеваний и предложены меры борьбы с ними.

В рамках СО АМН образовался Восточно-Сибирский филиал, которым успешно руководил академик С. И. Колесников. На Алтае, в Кузбассе, Тюменской области – повсюду имелись точки научного роста Сибирского отделения. Казалось бы, чего еще нужно!

Однако я решился на очередные перемены в своей жизни. Делая выбор в пользу депутатской деятельности, я надеялся принести пользу Сибирскому отделению. Для этого имелись определенные основания. На примере своих коллег – председателя СО АН СССР, депутата Верховного Совета СССР В. А. Коптюга, председателя СО ВАСХНИЛ, депутата Верховного Совета РСФСР П. Л. Гончарова – я видел, как их депутатский статус помогает решать проблемы на уровне правительства. Поразмыслив, я решил пойти по их стопам.

* * *

Выборам в Верховный Совет предшествовал I съезд народных депутатов, состоявшийся в мае-июне 1989 года. На него собрались более двух тысяч делегатов со всей страны. Состав палат Верховного Совета СССР (Совета Союза и Совета Национальностей – в общей сложности пятьсот сорок два члена) формировался из участников съезда. Председателем Верховного Совета СССР на I съезде избрали М. С. Горбачева.

Перед началом избирательной кам-

пани я предполагал, что, став народным депутатом, буду ездить в Москву на сессии, депутатские собрания и другие мероприятия, а работать продолжу, как и раньше, в Сибирском отделении АМН СССР. Но я ошибся в расчетах. Общественно-политическая жизнь страны год от года становилась все более бурной, захлестывала людей с головой.

Будучи дисциплинированным коммунистом, я решил обратиться в областные партийные органы, чтобы обсудить выдвижение моей кандидатуры на предстоящих выборах в Верховный Совет. Первым секретарем Новосибирского обкома КПСС к тому времени являлся уже не А. П. Филатов, а В. В. Казарезов. Умный человек, обладавший широкой эрудицией, Владимир Васильевич внимательно анализировал процессы, происходившие в советском обществе. Не удивительно поэтому, что мне был важен его совет.

К моему удивлению, руководство новосибирских партийных органов заняло по отношению к выборам в Верховный Совет довольно аморфную позицию. По этому вопросу не имело какой-либо единой стратегии. Когда я задавал партийным лидерам прямой вопрос: «Как вы считаете, мне нужно выдвигать свою кандидатуру?» – ответ получал крайне уклончивый. В итоге я понял одно: решать надо самому. Для себя же главным аргументом в пользу участия в выборах я считал, как уже говорилось, новые возможности для дальнейшего развития СО АМН.

Вскоре после того как откипели предвыборные страсти, я познакомился с другими депутатами, избранными от нашей области. Образовалась делегация новосибирских народных депутатов. Моими товарищами стали достойные, интересные люди. Об академике Е. Н. Мешалкине и говорить не приходится – он обладал огромным авторитетом. В процессе выборов и в период работы в Верховном Совете СССР Евгений Николаевич зарекомендовал себя в качестве государственного деятеля, всегда и во всем отстаивающего интересы страны.

Яркой личностью являлся Станислав Иосифович Новотный, генеральный директор крупного научно-производственного объединения «Адрон». В. В. Бушуев работал директором института «СибНИИ энергетики». Виталий Васильевич представлял собой тип ученого, тесно связанного с производством.

В нашу делегацию вошел также агроном Константин Георгиевич Першилин, руководитель образцового учебного хозяйства Новосибирского сельхозинститута. Этот достойный человек – ученик мо-

его отца. Мы до сих пор поддерживаем с ним дружеские отношения. Аграрий по своей основной профессии, К. Г. Першилин отличается разносторонними интересами. Это талантливый ученый, профессор, заведующий кафедрой прогрессивных технологий в сельском хозяйстве Новосибирского аграрного университета.

Галина Тимофеевна Баранова работала заместителем главного врача Бердской городской больницы. Профессор, доктор технических наук Аркадий Петрович Яненко возглавлял старейший и крупнейший вуз Сибири – Новосибирский институт строительных инженеров (ныне Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет – Сибстрин). Генерал-полковник Борис Евгеньевич Пьянков командовал войсками Сибирского военного округа. Словом, избиратели Новосибирской области выдвинули во власть серьезных, ответственных людей.

Новосибирские депутаты держались дружно, сплоченно, занимая государственническую позицию. Мы считали, что в обществе надо развивать демократию, но при этом должна сохраняться социалистическая направленность дальнейшего движения вперед. Иных соображений на этот счет не высказывал никто. Часть членов нашей делегации, в том числе и я, вошли в соответствующие нашему профессиональному профилю постоянные комитеты Верховного Совета СССР. Все мы принимали активное участие в работе первого и последующих съездов народных депутатов.

В целом же, как выяснилось вскоре после начала дебатов, на съезд собрались люди самых разных взглядов, политической ориентации, уровня подготовки, степени готовности к такого рода работе. Поскольку было ликвидировано традиционное представительство (когда в органы законодательной власти пропорционально выбирали определенное количество ученых, производственников, крестьян, военных и т. д.), Верховный Совет СССР действительно представлял собой срез общества того времени, то есть крайне пеструю картину.

Когда делегаты I съезда народных депутатов собрались в Москве, началась организационная работа по формированию Верховного Совета СССР. Этот высший представительный и законодательный орган государственной власти СССР являлся, в отличие от съезда, постоянно действующим. Съезды народных депутатов проводились два раза в год. Верховный Совет работал постоянно.

Члены Совета Национальностей представляли интересы национальных

республик, входивших в состав СССР, а члены Совета Союза – интересы всей страны в целом. Законы, издаваемые Верховным Советом СССР, были источником права в стране. Формально он являлся как бы коллективным главой государства, обладая не только законодательной, но отчасти исполнительной, контролирующей властью. С 1989 года главой государства стал председатель Верховного Совета СССР, с 1990 года – президент СССР.

Комитет по охране здоровья народа, возглавить который доверили мне, входил в структуру Совета Союза. В компетенции комитета находились организация здравоохранения, физкультуры и спорта, фармакологическое обеспечение населения страны. Комитет курировал три основных направления, которыми ведали Министерство здравоохранения СССР (в то время его возглавлял выдающийся кардиолог Е. И. Чазов), Госкомитет по физкультуре и спорту при Совмине СССР (председатель комитета Н. И. Русак) и Министерство медицинской промышленности СССР (министр В. А. Быков).

Комитеты Верховного Совета СССР обладали широкими полномочиями. Наиболее важные вопросы деятельности подведомственных структур – министерств и ведомств, назначение их руководителей обсуждались и утверждались в рамках комитета. Затем комитет выходил со своими предложениями на сессию Верховного Совета СССР. Каждый руководитель ведомства предварительно проходил через фильтр соответствующего парламентского комитета, потом его кандидатура обсуждалась на сессии.

Таким образом был утвержден на очередной срок на пост министра здравоохранения СССР Е. И. Чазов. Мне было немного неловко, когда такой уважаемый человек, к которому я относился с огромным пиететом, проходил через наш комитет процедуру утверждения. Впрочем, у Евгения Ивановича имелось достаточно такта и мудрости для того, чтобы понять необходимость всего происшедшего.

В период между съездами народных депутатов проходило две очередные сессии Верховного Совета СССР, длившиеся по три-четыре месяца, и несколько внеочередных. В промежутках между сессиями депутаты трудились в составе комиссий или комитетов. Мои надежды на то, что удастся находить время для работы в Сибирском отделении, не оправдались.

* * *

В состав комитета по охране здоровья народа Верховного Совета СССР во-

дили весьма интересные люди. В частности, в его деятельности принимал участие Николай Михайлович Амосов – известный хирург и общественный деятель, директор Института сердечно-сосудистой хирургии. Заместителем председателя нашего комитета являлся директор Института кардиологии имени А. Л. Мясникова Юрий Никитович Беленков.

Обязанности ответственного секретаря комитета выполняла народный депутат с Украины В. В. Гнатюк, врач из Винницкой области. Виктория Вячеславовна была в высшей степени достойным человеком. В ее активе значилась не только профессиональная деятельность в районной больнице. Ей довелось немало поработать в так называемых горячих точках. Мужественная женщина спасала жизни людей в Южной Америке, в Перу, прошла через Афганистан, была удостоена государственных наград. Она получила ранение, оказывая помощь раненым бойцам у колес бронетранспортера, под прицельным огнем душманов.

При этом Викторию Вячеславовну отличала скромная манера держаться. По внешнему виду никто не определил бы в ней героическую личность. С В. В. Гнатюк было приятно работать. Кстати сказать, такое явление мне нередко приходилось наблюдать в своей жизни (как, впрочем, и обратное, когда за внешним фанфаронством и хвастливостью кроется пустота).

Вошел в состав комитета и Д. Д. Венедиктов, за которым в бытность его заместителем министра здравоохранения СССР закрепилась слава «серого кардинала». В то время когда формировался комитет по охране здоровья народа, Дмитрий Дмитриевич являлся председателем Союза обществ Красного креста и Красного Полумесяца СССР. Человек большой эрудиции, богатого опыта, личного обаяния, он отличался работоспособностью и организованностью. С ним было легко и приятно работать. Д. Д. Венедиктов относился к той категории людей, которые не стремятся быть лидерами, но к ним всегда чувствуешь уважение.

В числе других членов комитета следует отметить ректора Душанбинского медицинского института Юсуфа Баширхановича Исхаки, прекрасно вписавшегося в наш коллектив. В комитет по охране здоровья народа вошел еще один сибиряк – Сергей Иванович Колесников, руководитель Восточно-Сибирского филиала СО АМН.

Доктор психологических наук Дереник Ншанович Абрамян представлял солнечную Армению. Человек высокой культуры, очень деликатный, тактичный, всем своим обликом и поведением Д. Н. Абрамян

напрочь опровергал сложившийся в быту стереотип восприятия кавказцев как шумных, экспансивных людей. Его, так же как Ю. Н. Беленкова, избрали заместителем председателя комитета.

Еще одним заместителем председателя работал белорус В. И. Семуха. Он обладал как нельзя более подходящими чертами для деятельности подобного рода. Владимир Иосифович отличался обязательностью, скрупулезностью, точностью. На него всегда можно было положиться. То, что ему поручали, В. И. Семуха выполнял наилучшим образом.

Еще одна интересная личность в составе комитета – Виктор Александрович Цюрупа, потомок известного советского партийного деятеля А. Д. Цюрупы, одного из создателей продотрядов, народного комиссара продовольствия РСФСР в правительстве В. И. Ленина. Потомок ленинского сподвижника был экспансивным, энергичным, обладал «заводным» характером, живо и резко реагировал на происходившие события.

Короче говоря, комитет по охране здоровья народа Верховного Совета СССР по своему составу был достаточно разнообразен. Однако, несмотря на разницу положений, темпераментов, занимаемых должностей, мы работали довольно слаженно.

Интересна история моего выдвижения на должность председателя комитета. С подачи руководства сначала было предложено избрать меня в состав Верховного Совета СССР. Я этого не хотел, прекрасно понимая: если человек войдет в Верховный Совет, ему придется работать там на постоянной основе. И уж вовсе я не горел желанием занимать пост председателя комитета по охране здоровья. Эта должность являлась высокой по статусу и весьма ответственной. Мне не хотелось ни того, ни другого.

Я воспротивился предстоящему избранию в состав Верховного Совета не только на словах, но и на деле – предложил А. И. Лукьянову (Анатолий Иванович занимал сначала пост первого заместителя председателя, а затем председателя Верховного Совета СССР) кандидатуру В. В. Бушуева, директора «СибНИИ энергетики». Сначала я выдвинул его перед новосибирской делегацией, отметив, насколько меня устраивает положение «рядового» народного депутата, а затем озвучил эту фамилию у А. И. Лукьянова. Реакции на мое предложение не последовало.

Затем со мной поговорил председатель Совета Союза Евгений Максимович Примаков, а потом меня пригласили к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, генераль-

ному секретарю ЦК КПСС. В ответ на мои доводы о том, что я принесу больше пользы в качестве народного депутата в Сибири, М. С. Горбачев сказал:

– Вы знаете, сейчас не самый легкий период в истории нашей страны. Сейчас переходный период, когда необходимо мобилизовать усилия всех слоев общества, особенно интеллигенции, для успешного осуществления перестройки.

Следует подчеркнуть, что в то время мы вообще не до конца понимали значения термина «перестройка». Это сейчас, задним числом, стало понятно: она являлась переходом от социализма к капитализму. В те годы нам преподносили ее, как попытку совершенствования социалистического строя, накопившего в себе много недостатков и погрешностей.

В политическом лексиконе тогда появилось такое понятие, как «социализм с человеческим лицом». Об очеловеченном социализме пространно рассуждал М. С. Горбачев. И лишь позже стало известно, что в то же самое время он советовался с одним из главных идеологов перестройки, членом политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлевым, каким образом перейти от социализма к рыночному обществу (так в те годы камуфлировали слово «капитализм»), чтобы это не вызвало слишком резкого неприятия со стороны народа.

Говоря о долге интеллигенции перед народом, Михаил Сергеевич привел в пример Е. И. Чазова:

– Вот, посмотрите, Евгений Иванович – ученый с мировым именем, руководитель Всесоюзного кардиологического центра. У него имеются все мыслимые и немыслимые награды, степени, титулы... Но когда понадобилось, он согласился «встать к станку» – заняться практически здравоохранением, возложив на себя министерские обязанности. Берите с него пример!

Эти доводы показались мне убедительными. Во-первых, они звучали из уст руководителя страны, генерального секретаря ЦК КПСС. Во-вторых, пример академика Е. И. Чазова, которого я всегда уважал, действительно заслуживал подражания. Евгений Иванович пошел на практическую работу, решил помочь стране в тяжелые времена. Почему я пытаюсь выбрать более легкий путь? Короче говоря, в конечном итоге я согласился работать в Верховном Совете на постоянной основе в составе парламентского Комитета по охране здоровья народа.

Надо сказать, Комитет по охране здоровья народа имел достаточно высокий рейтинг в Верховном Совете СССР. Он котировался наряду с наиболее важны-

ми структурами, такими как Комитет по международным делам, Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности, Комитет по вопросам законодательства, законности и правопорядка. В этом окружении мы выглядели достаточно солидно – и по кадровому составу, и по задачам, стоявшим перед нами.

* * *

Руководители комитетов и комиссий являлись членами Президиума Верховного Совета СССР. Они регулярно собирались у президента СССР, до этого занимавшего должность председателя Верховного Совета СССР, в Кремле. В большом кабинете стоял длинный стол, во главе которого сидел М. С. Горбачев. Справа и слева вдоль стола располагались председатели парламентских комитетов и комиссий. У каждого из них имелось свое фиксированное место.

Место председателя Комитета по охране здоровья народа находилось как раз посередине стола. Напротив меня сидела нынешний председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. И. Матвиенко. Она возглавляла Комитет по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства. Уже в то время Валентина Ивановна производила впечатление предельно делового человека. Если другие руководители комитетов иногда могли немного расслабиться, побеседовать на посторонние темы, то В. И. Матвиенко всегда говорила только об одном – о делах и проблемах, которые решал ее комитет.

У нас с В. И. Матвиенко сложились добрые отношения. Энергичная, подтянутая, ухоженная, появлявшаяся едва ли не каждый день в новых нарядах, Валентина Ивановна немного напоминала этим супругу президента СССР. Раиса Максимова Горбачева также обладала безупречным вкусом и благодаря своей элегантности достойно несла звание первой леди страны.

Валентину Ивановну избрали в Верховный Совет от Союза советских женщин. В Ленинграде она сделала прекрасную карьеру, дойдя до должности заместителя председателя горисполкома (курировала вопросы культуры и образования). Затем ее избрали народным депутатом, членом Верховного Совета, председателем комитета. Добрые отношения, сложившиеся между нами, сохранялись какое-то время и позже. Спустя несколько лет, когда В. И. Матвиенко уже стала заместителем председателя правительства РФ, мы встретились в Академии медицинских наук. Валентина Ивановна поздоровалась со мной сердечно, как с

близким человеком. Видимо, непростой период конца восьмидесятых – начала девяностых годов сплотил людей, вместе работавших в Верховном Совете СССР.

Интересный человек занимал кресло за столом справа от меня. Николай Витальевич Босенко возглавлял Комитет по делам ветеранов и инвалидов. Несмотря на солидный возраст, его никак нельзя было назвать престарелым. Он обладал большим запасом жизненной энергии, мудрости, здравого смысла. Иногда Н. В. Босенко помогал мне разобраться в тонкостях возникавших ситуаций.

Слева от меня находилось место Бориса Николаевича Ельцина, руководившего в то время Комитетом по вопросам строительства и архитектуры. Но на заседаниях Президиума я не видел его ни разу. Б. Н. Ельцин с головой окунулся в гущу политической борьбы, в дела известной в те годы Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Эта группа сформировалась на I съезде народных депутатов вокруг представителей Москвы и представляла собой нечто вроде демократической парламентской оппозиции. Время от времени мы встречались с Борисом Николаевичем, но близко узнать его у меня возможности не было. Когда через несколько лет он приехал в Новосибирск, мы встретились по-дружески, но наша беседа носила общий светский характер.

От Межрегиональной депутатской группы я был весьма далек. В МДГ, как на подбор, собрались люди шумные, говорливые. Каждый имел свою особую, персональную точку зрения на все. Эти демократы являли собой прообраз тех благополучных, вполне обеспеченных в материальном плане борцов за демократические идеалы, которые через много лет, в 2011 году вышли на Болотную площадь в Москве.

Межрегиональная депутатская группа нередко задавала тон во время прений на съездах народных депутатов и на заседаниях Верховного Совета. Тех, кто не вступал с ними в полемику, принимавшую порой острый характер, был не согласен, представители МДГ оскорбительно именovali «молчаливо-послушным большинством».

Если вдуматься, за этой внешне броской формулировкой не скрывалось ничего. Люди просто не разделяли радикальных, иногда даже левацких взглядов МДГ. Впрочем, в те времена хлесткие выражения неслись отовсюду. Полагаю, зачастую они играли роль ширм, скрываясь за которыми некие политики преследовали собственные цели. Люди же, признававшие необходимость демократических преобразований в рамках существовав-

шего правопорядка, вызывали у крикунов неприятие и враждебность.

К числу наиболее непримиримых личностей, находившихся в стане демократов, можно отнести Юрия Николаевича Афанасьева. Историк, ректор Московского историко-архивного института, несомненно обладавший даром слова, он не скупился на выдумывание оскорбительных определений в адрес своих оппонентов – вроде «молчаливо-послушное большинство» и тому подобных. Так называемые демократы стремились все подвергнуть сомнению, призывали к немедленным преобразованиям, не видели ничего положительного в существовавшем государственном устройстве. Они требовали... порой даже трудно было понять, чего же они, собственно, требовали.

Все кричали о демократии, но каждый понимал ее по-своему. Едины эти люди были только в одном: неприятия государственного строя и президента. М. С. Горбачева они критиковали с нескрываемой яростью. Не имея четких представлений о том, чего они хотят на самом деле, члены Межрегиональной депутатской группы из-за любой мелочи, по малейшему поводу устраивали словесные бури. Благодаря сверхактивности МДГ Верховный Совет СССР довольно скоро превратился в говорильню в худшем понимании этого слова. Известно, что слово «парламент» на русский язык переводится как «говорильня».

На заседаниях съездов народных депутатов трудно было принять любое, самое простое решение. Каждый вопрос превращался в проблему, даже принятие повестки дня. Очередную повестку иногда согласовывали по полдню, потому что каждый депутат-межрегионал высказывал на трибуну со своими замечаниями, дополнениями и возражениями. Отрицательные эмоции выплескивались через край, накаляя и без того непростую обстановку.

В полной мере показали себя записные парламентские ораторы-краснобаи, особенно А. А. Собчак. Анатолий Александрович представлял собой интересную фигуру. Я бы назвал его человеком с повадками Наполеона. Интересно было наблюдать, например, как он шагал по Красной площади. Одно время все мы жили в гостинице «Москва» или «Россия», пешком ходили на заседания в Кремль. Часто можно было видеть такую картину: по площади широким размашистым шагом, опустив голову, как бы задумавшись, шествовал А. А. Собчак. Справа, слева и позади него семенили младшие соотарищи Анатолия Александровича, идеальные собратья, которым он изредка бросал

какие-то отрывистые фразы. Ни дать ни взять, Наполеон перед решающим сражением...

Среди депутатов А. А. Собчак выделялся даже внешне, а когда он добирался до парламентской трибуны, то становился неотразим. Анатолий Александрович направо и налево громил всех и вся: существующий строй, кремлевскую бюрократию, положение дел в стране. По его мнению, получалось, что наша страна отстала от мировой цивилизации навсегда, а чтобы наверстать упущенное, нам нужно все сломать и отстроить заново. Поскольку он действительно обладал великолепными ораторскими способностями, все его «спичи» производили сильное впечатление на слушателей.

Особенно А. А. Собчак показал себя в связи с тбилисскими событиями, когда в апреле 1989 года войска разогнали митинг в центре грузинской столицы. История с разгоном протестного митинга обросла массой версий, слухов, спекуляций, порой доходивших до истерики. Что произошло в действительности в ту трагическую ночь на площади у Дома правительства, кто виновен в гибели нескольких человек, задушенных в давке, понять было непросто. К тому же умы будоражили рассказы о саперных лопатках, которыми военные якобы наносили удары по демонстрантам.

Трудно было даже понять, кто отдал приказ войскам очистить площадь. М. С. Горбачев сразу же отказался, сказав, что он не в курсе. Все остальные руководители партии и государства, по нисходящей, заняли аналогичную позицию. В конце концов всю вину свалили на командующего Закавказским военным округом генерала И. Н. Родионова. Ему пришлось перенести такой шквал нападков, какой не каждый человек смог бы выдержать. Достаточно сказать, когда Игорь Николаевич после выступления на съезде сел на свое место – туда, где находилась грузинская делегация, – все депутаты от Грузии демонстративно встали и удалились, оставив его в одиночестве.

История с разгоном митинга в Тбилиси вышла трагическая и крайне некрасивая. Все причастные к ней должностные лица своей вины не признавали, а И. Н. Родионов, будучи дисциплинированным офицером, не мог сказать: «Я выполнял приказ». Проанализировав все случившееся, я понял: руководство страны «подставило» и самого генерала, и молодых ребят в солдатских шинелях.

Еще больше я укрепился в своем мнении после беседы с И. Н. Родионовым. В промежутке между заседаниями подошел к нему и попросил:

– Расскажите своими словами, как все было на самом деле. Ничего не могу понять. Вроде бы никто не отдавал никаких приказов, а демонстрацию разогнали, люди пострадали.

Генерал И. Н. Родионов объяснил:

– Это было хорошо организованное действие. Специально сделали так, чтобы люди с центральной улицы Шота Руставели не могли никуда выйти. Все выходы на боковые улицы оказались перекрыты грузовиками.

По этой причине, рассказал Игорь Николаевич, когда солдаты двинулись вперед, оттесняя митингующих, тем попросту некуда было деваться. Началась давка. А то, что военнослужащие кого-то рубили саперными лопатками, остается под большим вопросом. Никто этого не видел, не зафиксировано шрамов от ударов, а вот задавленные в толкучке, погибшие от асфиксии во время возникшей паники имелись.

Позже стало известно: одним из организаторов давки был Звиад Гамсахурдия, впоследствии ставший на некоторое время главой Грузии. Первый грузинский президент, писатель, филолог по специальности, З. Гамсахурдия – личность далеко не однозначная. Многие считают его виновным в разжигании межнациональной розни между русским и грузинским народами. Свергнутый в результате переворота, он возглавил правительство в изгнании, начал со своими сторонниками войну с центральной властью, впоследствии погиб при неясных обстоятельствах.

Возмущение части народных депутатов действиями генерала И. Н. Родионова вылилось на I съезде в недовольство армией, советским строем, правительством. Депутаты послали в Грузию специальную комиссию, чтобы на месте разобраться в произошедшем, выяснить, кто в действительности виноват в гибели примерно двадцати демонстрантов. Возглавить комиссию поручили А. А. Собчаку.

Вернулся он оттуда «на коне». Председатель комиссии представил дело таким образом, будто в Тбилиси было совершено преступление против грузинского народа, против нарождающейся демократии. А. А. Собчак призывал к ответу военных, наводивших порядок в союзной республике. Правда, возник любопытный момент: в то время как поборник справедливости с трибуны грошил руководство страны, партийных и государственных лидеров, по залу гуляла копия его заявления с просьбой о приеме в КПСС...

До перестройки Анатолий Александрович в партии не состоял, но, когда начались выборы в Верховный Совет СССР, по-видимому, решил, что членство в КПСС

повысит его шансы на избрание. Поэтому он срочно написал заявление, выдержанное в самых льстивых тонах по отношению к партии и социалистическому строю. В партию А. А. Собчака приняли, но пробыл он в ней недолго. Как только стало ясно, что перестройка ведет коммунистический режим под откос, А. А. Собчак вышел из рядов КПСС.

О двуличии этого общественного деятеля депутатам оставалось только догадываться, сопоставляя его слова и реальные поступки. В обычном общении это был интеллигентный, широко образованный человек, охотно вступающий в диалог. Судя по всему, А. А. Собчак испытывал ко мне симпатию. Мы неоднократно беседовали с ним, особенно на темы, связанные со здоровьем.

Подобный странный феномен мгновенного преобразования людей я наблюдал всего лишь дважды в своей жизни. Б. Н. Ельцин также был одним человеком на трибуне и совершенно иным при других обстоятельствах. В своих публичных выступлениях Борис Николаевич метал громы и молнии, а в разговоре с глазу на глаз оставлял впечатление спокойного, приятного, доброжелательного человека. Я неоднократно наблюдал, как лидер демократической оппозиции общается со своими подчиненными, и меня всегда поражала мгновенная перемена образа. В этом заключается своего рода талант, определенный набор психофизических качеств личности.

* * *

Заседания на съездах народных депутатов, слушания в Верховном Совете требовали огромного нервного напряжения. Рассмотрение любого вопроса шло через пень-колоду. Какая бы проблема ни поднималась, у государственников и демократов имелись на нее разные взгляды.

«Гвоздем программы», если можно так выразиться, в те дни являлся академик А. Д. Сахаров, игравший роль идейного знамени демократов. Он без конца рвался на трибуну и говорил до тех пор, пока ему не отключали микрофон. Каждый раз Андрей Дмитриевич старался сказать как можно больше. Общий смысл его высказываний сводился к одному: больше демократии, больше народовластия.

При этом я ни разу не слышал, чтобы А. Д. Сахаров призывал к изменению существующего строя. Если сегодня кто-то пытается обвинить его в содействии падению социализма в СССР, это не так. Академик критиковал власть, требовал больше прислушиваться к нуждам людей,

ратовал за справедливость, бичевал имеющиеся недостатки, предлагал свой проект конституции – но и только.

Выступления Андрея Дмитриевича нередко встречали откровенное неприятие у депутатов в зале. У меня от слов и поведения этого человека сложилось двойственное впечатление. Мне казалось, этот «народный трибун» откровенно любовался собой. Бывают такие ораторы, которые, о чем бы ни шла речь, получают удовольствие от самого процесса говорения. Я наблюдал, как А. Д. Сахаров, сойдя с трибуны, шествовал к своему месту по проходу между рядами. Вокруг него моментально образовывалась группа депутатов, заглядывавших ему в глаза, ловивших каждое его слово, льстивших ему. Надо было видеть, с какой благосклонностью А. Д. Сахаров воспринимал льстивые похвалы.

Люди любят создавать себе кумиров. Андрею Дмитриевичу льстили, не стесняясь, поминутно подчеркивая, как он хорошо сказал, какой он гигант мысли. Его голове было отчего закружиться. «Любимец публики» удовлетворенно, как модный актер, с благожелательной полуулыбкой следовал по залу, милостиво кивая головой направо и налево. Выглядело это довольно уморительно. Невольно вспоминался бессмертный Николай Васильевич Гоголь. Думаю, он мог бы почерпнуть немало интересного из наблюдений за работой съезда и поведением народных избранников.

А. Д. Сахаров с удовольствием хватался за любой негативный факт, который ему подбрасывали, и мастерски делал из мухи слона. Однажды на этой почве возник скандал. Академик с трибуны громил Советскую армию, сражавшуюся в Афганистане. В частности, он обвинил командование в том, что какая-то воинская часть, зажатая на небольшом горном платке и окруженная душманами, оказалась брошенной на произвол судьбы.

Это огульное обвинение сразу наткнулось на резкие возражения со стороны «афганцев», сидевших в зале. В частности, один из депутатов, офицер С. В. Червонопиский, потерявший в боях обе ноги, заявил:

– Это откровенная клевета на Советскую армию! Никто никого не бросал. Командование делало все возможное для того, чтобы помочь части, вывести ее из окружения.

В ответ на слова офицера последовали яростные выпады демократов. Особенно неистовствовал историк Ю. Н. Афанасьев, сходу записавший всех несогласных с его мнением в ретрограды. Он в очередной раз заявил о молчаливо-по-

слушном большинстве, добавив к этому уничижительному ярлыку еще пару эпитетов. На этот раз фраза прозвучала, как «безмолвное, молчаливо-послушное, агрессивное большинство». Нелепость сочетания этих слов оратора не смущала, хотя агрессивных и одновременно послушных людей как-то трудно себе представить.

Неприятно встретила «демократическая» часть съезда спокойное по форме и конструктивное по содержанию выступление члена новосибирской делегации академика Е. Н. Мешалкина, который показал консолидирующую роль коммунистической партии в советском обществе, особенно во время Великой Отечественной войны. Бывший фронтовик Е. Н. Мешалкин знал, о чем говорил.

Вообще, дебаты на съезде оставляли странное впечатление. Одни обсуждали проблемы реальной экономики, другие – политическую конъюнктуру, и связь между этими двумя видениями реальности отсутствовала. По-моему, такая двойственность отражала различие целей, которые преследовали разные группы депутатов. Одни предлагали меры для улучшения существовавшей государственной системы, другие вели дело к слому самой системы.

Собираясь стать народным депутатом, соглашаясь работать в Верховном Совете СССР, я был далек от политики. Так же, как и мои коллеги из Комитета по охране здоровья, я полагал своей задачей сделать все возможное для улучшения здоровья нации. На решение многочисленных проблем здравоохранения была направлена вся деятельность комитета.

Еще раз подчеркну: я не являлся политиком и не был подготовлен к политическим коллизиям, которые во всей неприглядности проявились на съездах народных депутатов. Исходя из такого понимания своих задач, я на съезде и других многочисленных форумах просил поддержки в реализации программ оздоровления народа, помощи в изыскании средств на эти цели. Как правило, меня внимательно слушали, не «захлопывали», как это случалось с некоторыми ораторами. Но особого интереса к проблемам здравоохранения высокое собрание не проявляло.

Пожалуй, именно этим наш комитет отличался от многих других, особенно почему-то от комитета по экологии, для которого все вопросы приобретали ярко выраженную политическую окраску.

* * *

От всего происходившего на заседа-

ниях съездов народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР оставался тяжелый осадок, наваливалась физическая и душевная усталость. К концу дня от криков, обвинений, нелепых инициатив гудела голова. Незначительные по содержанию, повторяющие друг друга разоблачительные выступления вызывали раздражение. Невольно хотелось отвлечься, на время заняться чем-нибудь другим – хотя бы полистать свежую газету.

Но даже это сделать в ходе заседания было непросто. Приходилось исхитряться, чтобы на тебя тут же, как коршуны, не налетели телевизионщики. Они бродили со своими телекамерами вдоль рядов, пытаясь поймать удобный момент, чтобы показать депутатов в компрометирующем виде. На камеру фиксировался каждый случайный зевок, любое неловкое движение или нелепая поза.

Поначалу я думал, что телевизионщики действовали так без всякой задней мысли, просто в соответствии со спецификой своей профессии. Но потом стало понятно: журналисты участвовали в хорошо спланированной кампании по дискредитации народных избранников. Закончилась она, как известно, разгоном Верховного Совета.

Для этой неблагоприятной цели использовались любые доступные средства. Газеты и журналы в те времена лучше было вообще не читать. Пресса, почти в полном составе переметнувшаяся на сторону демократов, пестрела клеветой, оскорбительными карикатурами, пасквилями на многих делегатов съезда, членов Верховного Совета СССР. За этим стояла, на мой взгляд, Межрегиональная депутатская группа. Кто конкретно являлся инициатором и руководителем очернительской кампании, сказать сложно, но «агрессивно-послушное большинство» журналисты обличали неумолимо.

В центре управления событиями, судя по всему, находился один из главных «архитекторов» перестройки А. Н. Яковлев. В те годы он являлся секретарем ЦК, влиятельным членом политбюро ЦК КПСС. Как потом стало известно, А. Н. Яковлев был, по-видимому, идеологическим противником социализма.

В МДГ входили соратник Б. Н. Ельцина Г. Э. Бурбулис, а также такие, по бытовавшему тогда выражению, «прорабы перестройки», как Г. Х. Попов, Ю. А. Рыжов, В. А. Коротич, Ф. М. Бурлацкий, А. М. Оболенский и многие другие.

Стоит заметить, что с рядом депутатов-демократов впоследствии произошла интересная метаморфоза. Примером может служить депутат Ю. Ю. Болдырев. Поначалу он неумолимо громил социали-

стический строй. Сегодня бывший «народный трибун» обличает нынешние институты власти. Проходя свой политический путь, Ю. Ю. Болдырев фактически развернулся на сто семьдесят градусов. Впрочем, полагаю, подобных примеров постепенно становится все больше. Демократические преобразования, когда дело дошло до реальных мер, далеко не всем оказались по силам.

В работе первого и последующих съездов народных депутатов СССР принимали участие многие видные общественные деятели страны, писатели, журналисты, представители культуры. Можно назвать, в частности, композитора Р. В. Паулса, актеров Р. А. Быкова, К. Ю. Лаврова, М. А. Ульянова. Актеры «кучковались» между собой, стремились отстаивать профессиональные интересы, добивались определенных льгот для работников культуры.

На одном из заседаний Ролан Быков выступил с весьма разумной, на мой взгляд, репликой. Он сказал:

– Правительство не знает, что делать, а нужно ничего не делать! Народ сам вывезет себя – и своих начальников вместе с собой.

В этом высказывании, определенно, имелось здоровое зерно. История знает немало примеров, когда люди, оказавшиеся в трудной ситуации, находили выход благодаря смекалке, уму, трудолюбию, терпению. От депутатов всех уровней на самом деле требовалось внимательнее прислушиваться к мнению народа.

Нельзя не назвать фамилии известных в те годы публицистов Ф. М. Бурлацкого, В. А. Коротича, Н. П. Шмелева, статьи которых вызывали большой общественный резонанс. Ф. М. Бурлацкий, работавший в 1990–1991 годах главным редактором «Литературной газеты», во время работы I съезда сидел недалеко от меня. Мы нередко переговаривались, и опять-таки я должен отметить: в общении Федор Михайлович был милым доброжелательным человеком.

Среди демократов своей агрессивностью и нетерпимостью отличались многие. В их числе вспоминается член-корреспондент Академии наук СССР, известный эколог А. В. Яблоков. Он громил советскую власть по вопросам, связанным с защитой окружающей среды.

Разумеется, все эти люди были правы. В обществе действительно накопилось много недостатков и противоречий. Но критические выступления на заседаниях съезда и со страниц периодической печати далеко не всегда сопровождались конструктивными предложениями. Порой складывалось впечатление, что критика ведется ради нее самой. Во всяком слу-

чае, каких-либо разумных позитивных инициатив, направленных на изменение сложившегося положения дел, мне припомнить трудно. Возможно, я попросту не смог их различить в общем оглушительном хоре негативных суждений.

Особенно энергично и непримиримо (я бы даже сказал, до неприличия жестко) выступали прибалтийские делегаты. На их фоне выделялся литовский деятель по фамилии Ландсбергис. Этот профессор консерватории выступал, как ярый враг СССР и России. Со своими крайними националистическими взглядами он, думаю, сегодня хорошо бы вписался в украинский «Майдан».

В марте 1990 года при активном участии этого воинственного искусствоведа литовцам удалось добиться того, чтобы Верховный Совет СССР принял декларацию о восстановлении независимости Литвы. В Ландсбергиса в тот же день избрали председателем Верховного Совета Литвы (позднее, после распада СССР, он занимал должность председателя сейма Литовской республики). Это были «звоночки», предшествовавшие развалу Советского Союза.

На фоне обличителей и крикунов хорошую память оставили выступления писателя В. Г. Распутина. Сдержанный, разумный Валентин Григорьевич призывал не разрушать, а строить, стараться объединять людей. Такие взгляды вызывали у меня симпатию.

К числу интересных людей, с которыми довелось встречаться во время работы в Верховном Совете СССР, я также отнес бы ученых: академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, чей моральный авторитет в обществе был весьма высок, и нобелевского лауреата по физике академика Жореса Ивановича Алферова, отстаивавшего государственнические убеждения.

Позиции многих людей в условиях раскола общества разделились довольно сильно. Примечательно, что политические взгляды и пристрастия иногда менялись до смешного быстро. Некоторые депутаты утром вставали непоколебимыми государственниками, а спать ложились уже яркими демократами, и наоборот. В круговерти мнений, версий, идей, трактовок было трудно разобраться.

Сильное впечатление на меня произвели выступления полковника Виктора Алксниса. Военный инженер предупредил об опасности развала Советского Союза, призывал бороться с призывами к сепаратизму. К сожалению, в захлестнувшем страну разгуле вседозволенности на эти справедливые слова никто не обращал внимания. В ноябре 1990 года

на сессии Верховного Совета СССР В. И. Алкснис в ультимативной форме потребовал от президента М. С. Горбачева в течение тридцати суток навести порядок в стране. Но этот призыв также остался без последствий.

На съездах народных депутатов, в Верховном Совете СССР члены МДГ, не стесняясь, «разоблачали» известных руководителей, в том числе военных, таких как генерал армии В. И. Варенников и маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев. В частности, на маршала навесили обвинение в том, что у себя на даче он пользуется казенными вилками и ложками. Критиковать соперников, основываясь на какой-нибудь мелочи, вообще являлось одним из приемов «демократической» публики. Впоследствии это явление получило наименование «черного пиара». В то время такого термина еще не существовало, но сами действия велись куда как активно.

Особенно отличался в этом отношении следователь, народный депутат Т. Х. Гдлян. Вместе со своим помощником, следователем и тоже депутатом Н. В. Ивановым он выступал бескомпромиссным защитником прав человека, борцом против коррупции, за свободу и справедливость. В этой книге упоминалось, как он обрушился с трибуны на Е. К. Лигачева, уже не игравшего в ту пору особо важной роли в политике. Но Тельман Гдлян опозорил невинного человека по полной программе, приклеив ему ярлык коррупционера.

Мне импонировали призывы ряда депутатов к здравому смыслу. Наш комитет в политических баталиях практически не участвовал. В моих выступлениях говорилось о проблемах здравоохранения в стране. Вместе с тем я обращал внимание депутатов на перекосы во взглядах на нашу государственность, призывал высказываться более взвешенно, обдуманно.

Однажды кто-то из выступавших начал возмущаться количеством чиновников, сосредоточенных в Москве. В своем выступлении по этому поводу я сказал:

– Наше государство начиналось с Украины. Не зря Киев называют матерью городов русских. Давайте перенесем туда нашу столицу, и все будет нормально!

Но, конечно, эти слова были, что называется, в пользу бедных. Любопытно, что впоследствии президент Казахстана Н. А. Назарбаев принял подобные меры, перенес столицу страны из Алма-Аты в Астану.

С высокой трибуны я говорил и о своем непонимании позиции Николая Ивановича Рыжкова, председателя Совета

министров СССР. Все члены Совмина сидели тут же, в зале съезда. Их критиковали, ругали по любому поводу или вообще без всякого повода. Ответная реакция отсутствовала, хотя любому понятно: если тебя обвиняют незаслуженно – защищайся, если ты согласен с критикой – подавай в отставку. Ничего этого не было и в помине.

Особенно удивлял Н. И. Рыжков, сидевший с благостной улыбкой на лице. Позже я понял: все происходившее на съездах представляло собой, попросту говоря, большой цирк. Вероятно, М. С. Горбачев, Н. И. Рыжков, другие приближенные к ним лица давно договорились о перетекании перестройки в процесс смены социально-экономического режима, политического строя в стране. В таком случае, о чем им было говорить с депутатами?

Некоторые деятели «перекрашивались» с поразительной быстротой. Помню, удивил делегат съезда, работавший на автомобильном заводе в Набережных Челнах, где выпускались грузовики КамАЗ. Этот человек какой-то восточной национальности выступил с разгромной речью в адрес коммунистической партии. При этом сам он являлся партийным функционером, парторгом. Когда из зала кто-то крикнул: «Ты чего на своих-то нападаешь?», оратор мгновенно парировал:

– Я не коммунист, я сосал домкрат».

Он хотел сказать: «социал-демократ», но поскольку говорил быстро, получилось то, что получилось. В зале раздался смех.

Важное место занимала подготовка к съездам народных депутатов. К их проведению готовились руководители страны, союзных республик, члены фракций и комитетов Верховного Совета СССР. Особенно мне запомнился последний V съезд, состоявшийся в сентябре 1991 года (вскоре после неудавшегося путча). Он проходил в крайне накаленной обстановке и по предложению М. С. Горбачева завершился, как известно, фактическим самороспуском.

В период подготовки съезда общественно-политическая атмосфера «искрила» настолько, что председатель Верховного Совета А. И. Лукьянов на заседаниях опасался сказать лишнее слово. Было важно, кто будет возглавлять Организационный комитет съезда. Руководители страны питали определенное доверие ко мне, видели мою четкую позицию по многим вопросам, поэтому Анатолий Иванович обратился ко мне с просьбой возглавить оргкомитет.

Я понимал, насколько это объемная и сложная работа, и отказался. Мне вполне хватало забот в Комитете по охране

здоровья народа. Однако к тому времени я уже хорошо знал способности депутатов от Новосибирской области, поэтому предложил А. И. Лукьянову кандидатуру ректора Сибстрина А. П. Яненко.

– Аркадий Петрович – предельно организованный человек, – сказал я председателю Верховного Совета. – Это отличный, оперативно действующий руководитель. С обязанностями председателя оргкомитета он Прекрасно справится.

А. И. Лукьянов согласился со мной. И действительно, А. П. Яненко показал себя самым лучшим образом.

* * *

Комитет по охране здоровья народа Верховного Совета СССР был довольно представительным. В него входили сорок депутатов. Среди членов комитета имелись не только специалисты в области медицины. Конечно, медики составляли большинство, но кроме них в комитете находились администраторы различного уровня, представители других профессий, общественные деятели. На постоянной основе в комитете трудились примерно пятнадцать человек, остальные работали от случая к случаю.

В организационном плане комитет подразделялся на подкомитеты. Особенное общественное звучание имела деятельность подкомитета по охране окружающей среды и подкомитета по медицинской науке.

Подкомитет по охране окружающей среды возглавлял депутат Верховного Совета СССР Дереник Нишанович Абрамян, одновременно являвшийся одним из заместителей председателя комитета. Многие проблемы, рассматривавшиеся на заседаниях этого подкомитета, затрагивали экологию. Поэтому через него мы постоянно контактировали с Комитетом Верховного Совета СССР по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов. В некоторых случаях заседания обоих комитетов проходили совместно.

Особенно запомнились совместные слушания по проблемам Чернобыля и последствиям аварии на атомной электростанции для здоровья населения. В ходе острых дебатов зачастую выплескивалось излишне много эмоций. Особый градус напряжения привносили экологи, которые предельно политизировали каждый нюанс, порой подменяя практический подход к делу эмоциональным реагированием, рассуждениями абстрактного характера. В результате вместо выработки конкретных рекомендаций на заседаниях звучали только отрицательные оценки действий правительства, президента,

министерств и ведомств, причастных к трагедии.

В определенной степени это было справедливо. Критическая направленность выступления отражала общую взвинченную атмосферу в обществе. Учитывая важность рассматриваемых вопросов, публичное заседание проходило не в помещениях Верховного Совета СССР, а в Колонном зале Дома Союзов. На нем присутствовало большое число депутатов, не входивших ни в какие комитеты, а также представители науки, культуры, сотрудники различных государственных и общественных организаций. Людей собрал под одной крышей общая тревога и боль.

Наряду с серьезными оценками и предложениями прозвучали выступления ряда депутатов, носившие нервный характер. Особенно мне не понравилась речь белорусского представителя, члена Межрегиональной депутатской группы С. С. Шушкевича. (В 1991–1994 годах С. С. Шушкевич был председателем Верховного Совета Республики Беларусь. В декабре 1991 года в Беловежской пуще он поставил подписи от Белоруссии под соглашением о ликвидации Советского Союза.)

По отношению к С. С. Шушкевичу слово «демократ» я бы поставил в кавычки, настолько показушным и односторонним казался мне этот желчный человек. Он высказывался в прокурорском обвинительном стиле, привнося свою озлобленность в обсуждение вопроса, требовавшего холодной головы и взвешенных оценок. В формулировках «Кто виноват?», «Насколько виноват?» требовалось точно расставить акценты.

На слушаниях присутствовало практически все правительство, представители министерств и ведомств, участвовавших в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. С. С. Шушкевич выступал перед этими людьми в духе речей печально знаменитого А. Я. Вышинского на политических процессах конца 30-х годов. Выступление белорусского депутата отличалось такой некорректностью, что в какой-то момент я не выдержал и напомнил ему:

– Вы пока что не прокурор. Мы с вами обсуждаем конкретные вопросы как депутаты Верховного Совета.

При всей напряженности слушания в Колонном зале Дома Союзов в общем и целом оказались полезными. Они помогли дать всестороннюю взвешенную оценку создавшейся ситуации. Очень важно, что в обсуждении принимали участие ученые. Деятели науки довольно часто содействовали работе Комитета по охране здоровья. В связи с этим хочется добрым словом вспомнить члена Президиума

АМН СССР академика Л. А. Ильина, специалиста по радиационной медицине. Леонид Андреевич лично принимал участие в ликвидации последствий чернобыльской и семипалатинской трагедий. Участие ученых такого уровня, высококвалифицированных специалистов-атомщиков, придавало депутатским слушаниям особую значимость.

Иногда на заседаниях Комитета по охране здоровья затрагивались другие проблемы, которые также нуждались в совместном обсуждении. В связи с этим в нашей работе временами участвовали члены других комитетов Верховного Совета СССР. Например, один из вопросов касался ветеранов военных действий в Афганистане. Требовалось рассмотреть положение с их трудоустройством, обеспечением медицинской помощью, льготами. При этом важно было никого не забыть, не выпустить из поля зрения, правильно оценить действия ведомств, занимавшихся ветеранами. Над решением этих задач мы трудились совместно с Комитетом по делам ветеранов и инвалидов.

В деятельности нашего комитета иногда принимал участие известный эстрадный певец Иосиф Кобзон, также являвшийся народным депутатом. Интересно отметить: Кобзон на сцене и Кобзон как член Верховного Совета, общественный деятель – два разных человека. Первый излучал со сцены доброжелательность и обаяние, второй был угрюм и немногословен. Иосиф Давыдович на заседаниях выступал достаточно жестко, но по существу.

Некоторые вопросы, обсуждавшиеся в комитете, касались общего законодательства. Например, когда мы готовили законопроект о борьбе со СПИДом, юристы были столь же необходимы нам, как медики. В этой связи я с благодарностью вспоминаю сотрудничество с депутатом Н. В. Федоровым. В политическом плане Николай Васильевич придерживался демократической ориентации. Но при этом он склонялся, если можно так сказать, к разумной демократичности – без крикливого выпячивания собственной персоны, которым грешили такие деятели, как С. Б. Станкевич, А. А. Собчак, Ю. Н. Афанасьев и многие другие.

Н. В. Федорову были свойственны сдержанность, деловитость. Вопросы с его участием всегда решались по существу, без пустословия. В те времена такие качества становились редкостью, постепенно выходя из обихода, так как все больший размах приобретали пиар и самопиар. Многие политические и общественные деятели страны, стремясь об-

ратить на себя внимание избирателей и власть имущих, усиленно занимались саморекламой.

Николай Васильевич одевался просто, что тоже вызывало у меня симпатию. Этот интересный во всех отношениях человек отличался личной скромностью. Когда позже я узнал о его избрании на пост президента Чувашской Республики, то воспринял новость с удовлетворением. Сегодня Николай Васильевич является министром сельского хозяйства РФ. Мне кажется, этот человек вновь находится на своем месте. Знание юриспруденции необходимо во всех сферах государственной деятельности.

Когда вопросы, рассматривавшиеся в Комитете охраны здоровья народа, касались проблем женщин, мы сотрудничали с Валентиной Ивановной Матвиенко и руководимым ею Комитетом по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства. Мы совместно обсуждали проблемы женского труда, финансового обеспечения различных мероприятий. Как я уже отмечал, В. И. Матвиенко отличалась огромной работоспособностью, деловитостью. Не случайно ее карьера в дальнейшем неуклонно шла в гору. Эта привлекательная женщина обладала поистине мужским складом характера. На первом месте у нее всегда стояло дело, а эмоции отходили на второй план. (Вообще-то, если рассматривать людей с подобных позиций, женским характером обладают многие мужчины...)

Как видно, члены комитета работали не келейно. Помимо совместных слушаний с другими комитетами, мы постоянно пригласили высокопоставленных сотрудников министерств. В основном это были специалисты из Минздрава СССР, Госкомспорта, а также Министерства медицинской промышленности СССР.

Особенно трудные обсуждения проходили как раз по вопросам лекарственного обеспечения граждан СССР. Фармацевтическая промышленность уже тогда серьезно отставала в развитии. К исходу восьмидесятих годов мы прочно «подсели на иглу» импорта. Достаточно сказать, что из-за рубежа к нам поступали самые простые лекарства, такие как аспирин, который отечественная промышленность вполне могла бы производить самостоятельно.

В этот период в Сибирском отделении АМН под крылом директора Института химии твердого тела В. В. Болдырева развернулось экспериментальное производство аспирина. Он был в разы дешевле импортного. Однако чиновники от медицины отнеслись к новшеству равнодушно. Складывались в печальное для Мин-

здрава проще и лучше что-то купить за рубежом, нежели модернизировать собственную производственную базу.

Наш комитет неоднократно проводил слушания по проблемам фармацевтической промышленности. Глава профильного министерства В. А. Быков являлся действительным членом АМН СССР, энергичным администратором, искусным оратором. Иногда последнее качество позволяло Валерию Алексеевичу представлять положение дел в своем министерстве в более выигрышном свете, чем оно обстоит в действительности.

За два с половиной года состоялось в общей сложности 109 заседаний комитета, на которых было рассмотрено сорок вопросов. Может возникнуть недоумение: почему так мало? Дело в том, что ко многим проблемам приходилось возвращаться по несколько раз. На первом заседании вопрос ставился на обсуждение. Затем проверялось, как реализуется решение, принятое комитетом. В третий раз давалась оценка полученному результату. Думаю, только таким образом и следует организовывать дело. Иначе бесконечное количество рассмотренных, но не решенных до конца задач будет производить впечатление пустого сотрясения воздуха.

* * *

Как правило, с утра члены комитета собирались в нашем служебном помещении, находившемся на Новом Арбате, а после двенадцати часов председатели всех комитетов съезжались в Кремль на сессии Верховного Совета или другие заседания.

Вопросы, рассматривавшиеся на комитете, отличались масштабностью и остротой. Они касались двух аспектов деятельности Верховного Совета СССР. В первых, обсуждались внутриотраслевые проблемы, такие, например, как доработка программы «Здоровье» или пропаганда здорового образа жизни.

Второе направление затрагивало решение более общих задач, которые выносились на сессию Верховного Совета. К какому бы министерству или ведомству ни относились вопросы подобного характера, перед сессионным обсуждением они предварительно проходили экспертизу во всех комитетах. В частности, борьбу со СПИДом Комитет по вопросам законодательства, законности и правопорядка рассматривал со своей точки зрения, Комитет по охране здоровья народа – со своей и т. д. Таким образом, в Верховном Совете СССР сложилась довольно гармоничная взаимосвязь всех комитетов.

Когда рассматривался вопрос об охране и использовании зоны рекреации Черного, Каспийского и Балтийского морей, по этой теме была собрана огромная фактура. Когда я наблюдаю за тем, как работает нынешняя Государственная дума РФ и, в частности, Комитет по охране здоровья, то иногда думаю: вместо того чтобы снова «ломать копыта», депутатам следовало бы поднять те материалы, которые в огромном количестве накопились за время нашей работы, сдуть с папок пыль и посмотреть, что в них хранится. Впрочем, полагаю, в ряде случаев так и делается.

Мы неоднократно возвращались к выполнению всесоюзной программы «Здоровье». Над этой тематикой трудились разные подкомитеты. Например, у нас имелся подкомитет по физкультуре и спорту. Он имел прямую связь со своим подотчетным ведомством – Госкомспортом – и держал под постоянным контролем выполнение программы.

Часто на заседаниях комитета обсуждалось лекарственное обеспечение программы «Здоровье». Этот вопрос всегда был большим, остается он таковым и сегодня. В результате мы вышли с официальным обращением нашего комитета в Совет министров СССР об увеличении средств на закупку медикаментов и улучшении лекарственного обеспечения населения Нечерноземной зоны. Из Ярославской, Костромской и других областей Нечерноземья в наш адрес поступали многочисленные сигналы о неблагоприятном положении дел. Поэтому комитету вновь пришлось вернуться к наболевшей проблеме.

Также много слушаний проводилось по чернобыльской тематике – о состоянии здоровья населения в зонах, подвергшихся радиационному загрязнению, о принимаемых правительством мерах. Для совместного обсуждения с Комитетом по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов мы собирались не менее десяти раз.

Надо заметить, Комитет по экологии был ориентирован несколько на иной лад. Мы работали в большей степени как специалисты, а экологи делали основной упор на политическую составляющую. На заседаниях этого комитета звучало немало громких, рассчитанных на общественный резонанс заявлений и высказываний. Заместитель председателя комитета, член-корреспондент АМН СССР А. В. Яблоков отличался эмоциональностью. От спокойного делового обсуждения проблемы он легко переходил на митинговый тон. Мне это не нравилось.

Отдельных слов заслуживает предсе-

датель Комитета по экологии Какимбек Сальков. Житель Средней Азии, он являлся государственным деятелем республиканского масштаба. Он был довольно далек от проблем экологии, находился, как говорится, не в теме. Однажды во время слушаний в Верховном Совете СССР Какимбеку Салькову задали вопрос: «Что такое экология?» Председатель комитета отвечал многословно, но туманно. Поэтому в основном нам приходилось иметь дело с А. В. Яблоковым. Тот поддерживал большинство наших инициатив, но его склонность к митинговости, по-моему, вредила делу.

Помимо проведения совместных обсуждений с другими комитетами, мы приглашали на свои заседания специалистов со стороны – из Москвы, других городов страны, в том числе из Новосибирска. Это было особенно важно, когда дело касалось общих вопросов здоровья человека.

Кроме того, мы приглашали на свои заседания представителей соответствующих профильных комитетов Верховных Советов союзных республик. Чаще всего у нас в гостях бывали депутаты из ВС РСФСР, но и Средняя Азия не выпадала из нашего внимания. В восточных и южных регионах страны проблемы здравоохранения часто приобретали острый характер. Особенно беспокоила эпидемиологическая безопасность населения.

В комитет постоянно поступали обращения граждан. В устной или письменной форме люди просили помощи, поддержки в практических делах – к примеру, в обеспечении медикаментами той или иной больницы. Кто-то просил помощи в организационных вопросах, касавшихся здравоохранения, спорта. Особенно активными были московские медики. Используя свою территориальную близость к органам власти, они посещали нас чаще, чем жители других регионов страны.

Приходили в комитет известные деятели спорта, в том числе 12-й чемпион мира по шахматам Анатолий Евгеньевич Карпов. Гроссмейстер обращался за поддержкой, и сам, когда требовалось, оказывал комитету необходимую помощь.

Нередко напоминали о себе различные учреждения науки. В ряде случаев членам комитета приходилось вникать в организацию работы научно-исследовательских институтов. Мы помогали НИИ гастроэнтерологии, медицинской генетики, некоторым другим институтам.

Порой к нам приходили с жалобами на действия периодической печати. Люди сетовали на журналистов, несправедли-

во обидевших какую-либо организацию или отдельного человека – такие случаи случались нередко.

За два с половиной года работы мы получили примерно 4000 писем от граждан страны. Послания имели различный характер. Иногда люди просили о помощи, которая действительно была им необходима. Некоторые письма носили идеологизированный характер. Кто-то нас хвалил, кто-то, наоборот, ругал. Значительная часть посланий отличалась критической направленностью. Иногда они касались отдельных общественных и государственных деятелей.

Однажды к нам по почте пришла большая бандероль. В конверте находилась медицинская карта Б. Н. Ельцина, каким-то образом добытая из поликлиники, в которой Борис Николаевич наблюдался, работая в Свердловске. К карте прилагались комментарии автора почтового отправления (его подпись, по всей вероятности, носила вымышленный характер). Человек ставил своей задачей донести до Верховного Совета СССР мысль о том, что у бывшего руководителя Свердловской области не все в порядке с психикой. Эти предположения опирались на факты, зафиксированные в медкарте: диагнозы психоневрологов, проведенное лечение.

Поставленный в тупик странным документом, я решил посоветоваться с председателем Верховного Совета СССР А. И. Лукьяновым. Анатолий Иванович много работал с комитетами, за эти годы у нас состоялось немало полезных для меня бесед. Когда я показал полученную «телегу» и спросил, как на нее реагировать, А. И. Лукьянов ответил:

– Письмо нужно уничтожить. Если оно будет опубликовано, Верховный Совет получит такую реакцию со стороны команды Ельцина, с которой трудно будет совладать.

Б. Н. Ельцин находился в то время на вершине популярности. В Верховных Советах СССР и РСФСР с ним работала команда депутатов, стоявшая за него не на жизнь, а на смерть. Чувствовалась, эти люди поставили на Б. Н. Ельцина все – дальнейшее карьерное продвижение, личное благополучие и т. д. На примере деятельности Межрегиональной депутатской группы это прослеживалось довольно четко.

Подумав, Анатолий Иванович добавил:

– В случае опубликования письма группа поддержки лидера МДГ разорвет вас на куски!

Часть поступавших к нам писем отличалась откровенным антисемитизмом. К сожалению, их приходило немало, при-

чем в причастности к еврейской нации обвиняли всех, кого ни попадя. Если какой-нибудь человек был чем-то негоден автору послания, тут же выносился приговор: это член еврейско-сионистской мафии – ни больше ни меньше. Подобные послания, как и прочие дурные письма, мы просто выбрасывали в мусорную корзину.

Корреспонденция свидетельствовала об одном: в обществе сложилась крайне тревожная обстановка. Это было видно, как говорится, невооруженным глазом. Насколько невротизированным советское общество стало к концу восьмидесятых годов, я понял только тогда, когда приступил к работе в Верховном Совете СССР. В Новосибирске все казалось куда более спокойным и стабильным. На самом деле в стране назревала катастрофа, люди чувствовали это.

* * *

По роду своей деятельности мне приходилось общаться с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Я являлся членом Президиума возглавляемого им Верховного Совета. Мне довелось неоднократно слушать выступления М. С. Горбачева, беседовать с ним, и в процессе такого общения происходила постепенная эволюция моих взглядов на этого человека – от абсолютно позитивного до негативно-

го. На первых порах генеральному секретарю ЦК КПСС (за насильственное внедрение трезвого образа жизни шутники прозвали его «минеральным секретарем») удалось очаровать все слои общества. Людям импонировал демократический стиль поведения Михаила Сергеевича, его решимость взяться за перемены. К моменту его прихода на вершину власти общественная жизнь в стране настолько стагнировала, что необходимости реформ не видел только слепой.

Многие из заявленных М. С. Горбачевым целей находили понимание и поддержку со стороны общества. Трудно было не согласиться, когда он говорил об ускорении социального прогресса. Все чувствовали: мы застопорились на каком-то уровне. В адрес властей слышалось много нареканий. Партия превратилась почти в секту, оторванную от жизни страны. Замедлилось или полностью отсутствовало социальное развитие во многих сферах. Тезис Михаила Сергеевича о приоритете общечеловеческих ценностей пришелся по душе большинству граждан.

Конечно, стране требовалась определенная либерализация. На первых порах действия М. С. Горбачева находили понимание и поддержку. Сыграло роль и лич-

ное обаяние главы СССР. Он обладал харизмой, мог разговаривать с людьми без начальственных ноток в голосе, находить общий язык с разными социальными слоями. Объявленная М. С. Горбачевым перестройка воспринималась народом не как переход к другой социально-экономической формации, а как очеловечивание существующего социалистического строя.

Не случайно в ту пору широкое хождение получил термин «социализм с человеческим лицом». В понимании рядового обывателя он означал большую доступность для любого человека возможностей, которыми располагало государство. При социализме в основном соблюдались декларируемые партией принципы социалистического строя. Гражданам СССР обеспечивалось право на труд, отдых, образование, бесплатное жилье, обеспечение в старости, социальную поддержку. Для решения этих масштабных задач в Советском Союзе формировались соответствующие общественные фонды.

Вместе с тем общественно-политический строй во многом носил черты формализма. Казалось бы, для их исправления во многом и задумывалась перестройка. Граждане предполагали, что в ходе преобразований удастся устранить имевшееся в обществе неравенство. Ни для кого не оставалось секретом: несмотря на официально провозглашенное равенство, партийный и беспартийный человек обладали разными возможностями. Коммунистам было легче устроиться на престижную работу, проще продвигаться по карьерной лестнице. Особо привилегированное положение занимала так называемая партноменклатура, к услугам которой были все жизненные блага.

В стране существовало и неравенство в национальном вопросе. В частности, странная политика велась в отношении людей еврейской национальности. Даже наиболее способным из них не представлялось возможным занимать ряд должностей и постов. Во времена СССР евреи – за редким исключением – могли продвинуться только в тех сферах, которые не были связаны с политикой: в науке, культуре, искусстве.

Имелись у социалистической действительности и другие «темные пятна». Люди считали: задача перестройки – освободить социалистический строй от имевшихся в нем элементов феодализма с характерными принципами местничества, выдвигения на основе личной преданности и т. д. Когда же выяснилось, что на практике руководство страны взяло курс на смену общественного строя, реставрацию капитализма, для большинства населе-

ния СССР это оказалось полной неожиданностью.

Что в действительности имел в виду руководитель страны, объявляя о перестройке, – здесь нужно поставить большой знак вопроса. На такие мысли меня навел эпизод, когда, проговорившись, Михаил Сергеевич в сердцах воскликнул:

– Да никогда я не был коммунистом! Я был социал-демократом!

Однако тут налицо совершенно иной поворот темы. Там, где речь идет о социал-демократии, это уже не социализм, а демократические устои капитализма. К нему наш партийный вожьд и привел страну. Я слышал слова М. С. Горбачева собственными ушами уже после распада страны, и они меня потрясли. Я представить себе не мог, как генеральный секретарь ЦК КПСС – партии, имевшей программу, ориентированную на построение самого гуманного общества в мире, может публично заявить: «Никогда я не был коммунистом!» Если это не предательство, то что?

Впоследствии, анализируя поступки и слова М. С. Горбачева, я понял: с самого начала он был двуличным человеком. Об этом свидетельствовали многие факты, о которых стало известно позже. Особенно странной оказалась его связка с секретарем ЦК партии по идеологии А. Н. Яковлевым. Вся деятельность этого человека в период перестройки свидетельствовала о его приверженности отнюдь не социалистическим идеалам.

Если отбросить все красивые фразы, массу пустых слов, на деле перестройка оказалась возвратом от социализма к капитализму. При этом она сопровождалась множеством негативных явлений, так что можно согласиться с известным писателем, философом Александром Зиновьевым, придумавшим термин «катастрофка».

Мое личное отношение к М. С. Горбачеву начало меняться по мере понимания того, каким путем он идет, какие идеалы исповедует. Я стал ловить себя на «крамольных» мыслях во время выступлений Михаила Сергеевича. Он выступал крайне путано. Особенно это становилось заметно на заседаниях Президиума Верховного Совета СССР. Порой речь генсека начиналась «за здравие», а завершалась «за упокой». Он клеймил, разносил в пух и прах какого-нибудь чиновника, после чего неожиданно заканчивал разгром словами:

– С другой стороны, мы должны понимать: Иван Иванович внес огромный вклад в наше общенародное дело.

Сразу возникал вопрос: «Что, собственно, оратор имел в виду?» Однажды

на заседании Президиума я даже спросил своего соседа, председателя Комитета по делам ветеранов и инвалидов Николая Васильевича Босенко:

– В чем дело? Что Горбачев хотел сказать?

– Ничего он не хотел сказать, – последовало в ответ. – Горбачев просто старается удержаться на поверхности, не утонуть.

К сожалению, с этими горькими словами нельзя было не согласиться. Генеральный секретарь ЦК КПСС в зависимости от складывавшейся ситуации ругал или хвалил то одного, то другого, стараясь угодить «и нашим, и вашим».

Кроме того, людей отталкивала его, если можно так выразиться, личная трусость. Характерный пример: на заседании съезда народных депутатов по огромному залу, в котором сидели делегаты, побежали помощники Михаила Сергеевича, разыскивая членов Президиума. Нам велели срочно собраться в комнате за сценой. При этом вид у помощников был крайне озабоченный и встревоженный. Глядя на них, можно было подумать, что случилось нечто страшное. Мы быстро собрались. М. С. Горбачев с потерянным видом сказал:

– Что будем делать? Армянская делегация заявила об уходе со съезда, если их требования не удовлетворят.

Мы были шокированы таким поведением. Страна столкнулась с тяжелейшими проблемами, а главу государства пугала мысль об уходе со съезда одной делегации. Терять в такое время спокойствие и самообладание было не только некрасиво, но и опасно.

Положение в стране менялось удручающим образом. Становилось все более очевидно: Советский Союз рушится. Прибалты открыто заявили о своей независимости, другие союзные республики одна за другой присоединялись к этому движению. С каждым днем усугублялись экономические неурядицы. Это было заметно по магазинам, зиявшим пустыми полками. Помню, моей жене пришлось объездить пол-Москвы в поисках обычных плечиков для одежды. Продуктовый дефицит привел к появлению продовольственных карточек. По стране ползли слухи, один тревожнее другого. Многие из них впоследствии подтвердились.

Например, в народе гуляла молва о том, будто бы на подьезде к Москве останавливают автомобильные фуры, составы с продовольствием и отправляют обратно, чтобы искусственно создать продуктовый дефицит. Как потом выяснилось, в тот период активно работали несколько политических деятелей, (по всей види-

мости, принадлежавших к группировке Б. Н. Ельцина), занимавшихся дестабилизацией обстановки в стране, в первую очередь в Москве.

В сложившихся условиях требовалось проявлять мужество, хладнокровие, твердость. Ни того, ни другого, ни третьего со стороны президента СССР я не наблюдал. Слухи о распаде Советского Союза утверждали, что страна в скором времени превратится в федерацию или даже в конфедерацию. Услышав подобное, я напрямую обратился к М. С. Горбачеву.

У нас состоялся личный разговор, во время которого я спросил:

– Михаил Сергеевич, куда мы идем? Сохранится ли Советский Союз?

Он ответил мне:

– Что вы, что вы! Конечно, Советский Союз сохранится. Может быть, действительно придется подумать о федеративном устройстве – настолько, насколько оно приемлемо. Ведь Российская Федерация существует, и ничего. Но конфедерации не будет!

С растерянностью М. С. Горбачева я сталкивался неоднократно. Запомнился один из последних, если не самый последний, пленум ЦК КПСС. Заседание вел генеральный секретарь. Все собравшиеся в зале нервничали. С трибуны звучали резкие выступления. Некоторые ораторы обращались к генеральному секретарю с призывами:

– Михаил Сергеевич! Не надо быть «дамой, приятной во всех отношениях»! Давайте определять приоритеты. Развал Союза уже на пороге, а вы не принимаете никаких мер!

Но вместо того чтобы обсудить, правильно воспринять критические замечания в свой адрес, М. С. Горбачев обиделся. Это в очередной раз свидетельствовало о слабости его характера. Со словами: «Если так, то мне здесь делать нечего!» Михаил Сергеевич поднялся и вышел из президиума.

За М. С. Горбачевым бросились, стали уговаривать его вернуться. В частности, за ним побежал первый и единственный заместитель генсека В. А. Ивашко. (Во время путча 1991 года он несколько дней, с 24 по 29 августа, исполнял обязанности генерального секретаря после отставки М. С. Горбачева. Затем этот пост был упразднен.)

Все остальные участники пленума сидели в зале и ждали, чем все кончится. История вышла некрасивая, в духе мещанских страстей. В конце концов партийный лидер с недовольным обиженным лицом вернулся на свое место. Все вздохнули с облегчением.

Работа пленума продолжилась. Все

1 съезд народных депутатов

понимали: чтобы удержать Советский Союз от распада, нужны радикальные меры. Но вместо выработки конкретного плана действий снова началось многословное переливание из пустого в порожнее.

Как в подобной ситуации можно было относиться к главе государства? На том этапе развития событий мне казалось, что он просто слабый человек, не имеющий ясной политической ориентации. Газеты тех дней пестрели карикатурами на президента, партию, правительство, Верховный Совет. Мне запомнился рисунок, с моей точки зрения, наглядно отражавший ситуацию.

На карикатуре был изображен М. С. Горбачев в виде человека, на своих плечах тянущего в гору вагонетку с надписью «Перестройка». Он благополучно дотащил вагонетку до вершины, но, когда начал спуск, чтобы двигаться к следующему перевалу, вагонетка стала накатываться на М. С. Горбачева, нажимать ему на пятки, грозя раздавить.

Так и получилось. Общество чувствовало сложившуюся ситуацию. Все понимали: вот-вот наступит развал страны. Сразу после случившейся трагедии и до настоящего времени историки, политологи, экономисты пытаются понять причину распада СССР. Кто-то называет низкую цену на нефть, якобы специально обрушенную арабскими странами с подачи США. Некоторые специалисты говорят об огромном финансовом долге Советского Союза перед странами Запада, других

привходящих обстоятельствах. С моей точки зрения, все это так и не так. Полагаю, главная причина заключалась в неспособности тогдашних руководителей государства вывести страну из тупика.

Я уже писал о поведении М. С. Горбачева, но что в это время делал председатель Совета министров, глава советского правительства? Николай Иванович Рыжков сидел в зале съезда народных депутатов и в ответ на шквал критики безмятежно улыбался. Позже я также стал анализировать действия этого человека и опять пришел к неутешительным выводам. Являлся ли Н. И. Рыжков настоящим коммунистом? Был ли он нацелен на сохранение социалистического строя? Положительных ответов на эти вопросы я дать не могу.

Когда я сегодня вспоминаю улыбки Н. И. Рыжкова, других членов правительства, то спрашиваю себя: может быть, они улыбались потому, что события разворачивались именно так, как всем им хотелось? Может быть, М. С. Горбачев вместе с А. Н. Яковлевым, членами Совета министров СССР действительно хотели развалить страну и построить на ее фундаменте нечто совсем новое? Что-то вроде крупной капиталистической державы, которая могла бы приблизиться по уровню развития к США. Тогда новая держава смогла бы войти в альянс со странами Запада и на равных решать с ними все мировые проблемы. Не об этом ли мечтали глава коммунистов страны и его окружение?

То, что в реализации подобных пла-

нов большую роль играл А. Н. Яковлев, у меня нет сомнений. Судя по всему, он являлся активным агентом влияния Со-единенных Штатов в советском руковод-стве. Вся его деятельность в те годы на-глядно свидетельствовала об этом.

Многие спрашивают: «Почему компар-тия никак не реагировала на происходив-шие события? Ведь в СССР насчитыва-лось девятнадцать миллионов коммуни-стов. Почему они не принимали никаких мер по спасению социалистического строя? Получается, это были не комму-нисты, а просто люди с партбилетами в кармане?»

Это не так. В стране имелось много убежденных партийцев. Но они были де-зоринированы. Кроме того, роковую роль сыграл устав КПСС. В соответствии с ним партия строилась как боевая ор-ганизация с жесткой централизацией. Все решения принимал ЦК и прежде всего генеральный секретарь.

В определенных исторических услови-ях такая модель способствовала успеш-ной реализации поставленных задач. В частности, во многом благодаря этому Советский Союз победил в Великой Оте-чественной войне. Но в условиях политич-еской нестабильности, когда сам генсек оказался предателем по отношению к собственной партии, вроде бы отлажен-ная система не смогла сработать пра-вильно. КПСС оказалась обезоруженной и растерянной. Партийные комитеты не могли и не умели действовать самостоя-тельно – им запрещал устав. В этом и зак-лючалась трагедия.

Стоит напомнить, примерно в этот же период М. С. Горбачев «вычистил» из Центрального Комитета около ста неугод-ных ему членов. Сегодня я понимаю: он целенаправленно вел дело к развалу партии. Не случайно в то время в обще-стве широко муссировалась идея об ис-ключении из Конституции СССР шестой статьи о руководящей роли Коммунисти-ческой партии. Генеральный секретарь

ЦК КПСС М. С. Горбачев спокойно согла-шался с этой инициативой. Тем самым он собственноручно сдал партию, предав ее идеалы.

Беда заключалась в том, что партия представляла собой руководящую силу общества. Автоматически получалось, что тот, кто предал партию, предавал и госу-дарство, свой народ. Здесь не надо ниче-го камуфлировать, сваливать вину на объективные исторические обстоятель-ства, ссылаться на условия, в которых яко-бы нельзя было действовать иначе.

В тех условиях предатели действова-ли, как предатели. Процесс был прекра-сно продуман и срежиссирован. Идеолог ЦК КПСС А. Н. Яковлев всю работу про-тив партии. Именно он организовывал антисоветские мероприятия, откапывал и доводил до сведения общественности компрометирующие КПСС документы, факты.

Были ли люди, понимавшие, куда идет страна? На съездах и между съездами народных депутатов наряду с речами де-мократов, видевших только то, что им хо-телось, зачастую звучали и трезвые голо-са. Они предупреждали: «Уважаемые кол-леги, мы идем к пропасти!»

В частности, хочется сказать о В. А. Крючкове, последнем председателе Ко-митета государственной безопасности СССР. Выступая на заседании Верховно-го Совета, Владимир Александрович с фактами в руках доказывал: развертыва-ется антисоветская кампания. Ей способ-ствуют агенты влияния внутри СССР.

Можно было по-разному относиться к этим словам. Но так называемые демок-раты действительно постоянно толпи-лись в американском посольстве. Не-волью складывалось впечатление, буд-то они получают там инструкции о даль-нейших действиях. Тем не менее, даже американский президент Джордж Буш-старший и его окружение были пораже-ны одномоментным крахом Советского Союза.